

В.А. Медведев: «...В конце января – начале февраля Горбачев пригласил для завершения работы Яковлева, Болдина и меня в Завидово, подальше от Москвы. Здесь началось самое важное и самое интересное – окончательное определение и фиксация оценок, позиций, выводов. Подвергалось еще раз серьезнейшему осуждению и, можно сказать, инвентаризации буквально все: от общеполитических заходов до конкретных примеров.

Работали все вместе по 10-12 часов. Кроме того, каждый имел еще то или иное “домашнее задание”. Собирались в особняке, где разместился Генеральный секретарь, в небольшой, уютной охотничьей комнате. Как правило, обычно присутствовала Раиса Максимовна, подкрепляя нас кофе и вкусным топленым молоком. Делалась скрупулезная проходка и передиктовка всего текста, раздел за разделом, страница за страницей, строчка за строчкой. По ходу дела шел абсолютно откровенный, ничем не ограниченный обмен мнениями. Естественно, в качестве критиков выступал каждый из нас по тем разделам, в работе над которыми он не принимал прямого участия, и, напротив, старался аргументировать те положения, которые прошли через него на предшествующей стадии.

Пожалуй, на меня выпала основная роль возмутителя спокойствия. Я чувствовал, что иногда дохожу до крайней черты. Меня в такого рода работе прежде всего волнуют ясность и логика в постановке и изложении проблемы. В полной мере проявилась острота восприятия и содержания, и формы у Яковлева – его постоянная нацеленность на новизну и нетривиальную постановку вопроса, умение быстро найти адекватные и неизбитые слова.

Болдин активного участия в спорах не принимал, но когда вмешивался, то большей частью принимал сторону Яковлева. И в работе над текстами, и в обсуждении имел вкус к более конкретным народнохозяйственным проблемам, к насыщению фактологией, примерами, считая, что этим решится вопрос о связи с жизнью, с практикой. И надо сказать, что политическое чутье у него было достаточно хорошо развито.

Михаил Сергеевич очень терпимо и даже заинтересованно относился к нашим спорам. Если мы продолжали настаивать на своем, он деликатно и не без доли юмора напоминал, кто же здесь докладчик. В итоге обычно предлагал свое собственное смысловое и формулировочное решение, которое тут же и задиктовывалось. В этом нам помогали две стенографистки – Татьяна и Ольга – участница будущей форосской эпопеи. После окончания, вечером или ночью, мы приводили в порядок стенограмму, а утром, как правило, Михаил Сергеевич возвращался к тому, что задиктовано. Часто вновь все это переписывалось, и таким образом мы медленно-медленно продвигались вперед.

Завидово – место по-своему историческое, “завидное”, хотя я бы не сказал, что какое-то живописное, из ряда вон выходящее. Здесь Брежnev жил месяцами, особенно в последний период своей жизни. Опушка леса рядом с большой заснеженной поляной. Территория, огражденная глухим и надежным забором и цепью сторожевых вышек. Искусственный пруд с циркулирующей водой в любое время года, неброская среднерусская природа.

Особняк оригинальной архитектуры и внутренней планировки для главного лица, в котором размещался Горбачев и в котором мы работали. Второй также интересный особняк, по-видимому, для высоких гостей. Нам предложили в нем разместиться, но мы предпочли занять номера в расположеннном рядом доме гостиничного типа.

Что привлекало там Брежнева? Это, как рассказывал Яковлев (единственный из нас, бывавший здесь раньше), охотничьи угодья с обилием кабанов, косуль и другой дичи. Охота рассматривалась как ритуал и даже больше того – входила в систему приближения людей к Генсеку и могла иметь решающее значение для отношения к ним высшего начальства. Яковлев рассказал, что однажды Брежнев пригласил его с собой на охоту, а он, как не охотник, опрометчиво отказался...

Здесь же в Завидове шла работа над всеми основными политическими документами и докладами Брежнева с участием уже упоминавшихся его

штатных и нештатных советников. Приезжали и члены Политбюро, секретари ЦК. Тут же устраивались и увеселения с участием обслуживающего персонала. В общем, Завидово многое повидало за брежневские годы.

А тут работа и работа. Изредка кино. Даже шахматные баталии, большими любителями которых были Яковлев и Болдин, – да и я время от времени вмешивался в их спор, – проводились урывками. А на дворе стояли сильные морозы – в 30 градусов и ниже.

После завершения работы в Завидово доклад еще раз был вынесен на заседание Политбюро, одобрен и представлен вначале Пленуму ЦК, а затем и XXVII съезду КПСС...».